

Глава 14

Союз

Из горла Азуки вырвался странный, сдавленный смешок, будто он чем-то поперхнулся. Затем он затих и, закинув голову, принялся вглядываться в сонный серый туман, метавшийся в монотонном гуле яростного ветра.

Нова тоже поднял взгляд, но не увидел ничего, кроме бесформенной мути.

— На самом деле ты не считаешь всё это простой иллюзией.

Профессор негромко продолжил:

— Очевидно, что ты питаешь глубокие чувства к наталинцам. И к своим драконам тоже.

Собеседник не ответил. Он лишь медленно закрыл глаза и тяжело выдохнул.

— Хотите знать, что произошло десять лет назад? — тихо спросил он, но, не дожидаясь ответа, тут же передумал: — Впрочем, нет. Скажем так: я просто хочу вам об этом рассказать.

Нова пристально наблюдал за ним. Стоило Азуке прикрыть эти прекрасные, полные достоинства глаза, как в его облике проступила тихая и изнуренная печаль.

«Он демонстрирует мне свою слабость», — мелькнула мысль.

Это странное, иррациональное суждение, возникшее в обход логики, заставило черноволосого юношу нахмуриться. Он не до конца понимал мотивы этого человека.

Его восприятие Избранного богом было крайне противоречивым. В этом парне уживались холодное безразличие умудренного опытом старца и внезапная, почти юношеская искренность. Он напоминал незнакомое море, прогретое солнцем: кристально чистое, манящее своим теплом, но непостижимое. Стоит довериться этой ласковой глади — и рискуешь рухнуть в бездонную пропасть.

— ...Кое-какую информацию я уже сопоставил, — настороженно произнес Нова. — Но говори. Я сам решу, стоит ли мне пропускать твои слова мимо ушей.

Азука бросил на него беспомощный взгляд. Ему снова захотелось по-дружески сжать затылок своего «заклятого врага». Но на сегодня потрясений с профессора было достаточно. К тому же тот только что попытался — пусть и неуклюже — его утешить. Дальнейшие издевательства казались уже излишними, и Азука, вопреки обыкновению, почувствовал укол совести.

Хотя в нынешнем Нове Броуди уже угадывалась та пугающая пронизательность, которой он будет обладать в будущем, сейчас он всё ещё оставался молодым человеком, не познавшим серьезных поражений. В нём сквозила некоторая наивность и безрассудство. Учитывая реальный возраст Азуки, он вполне мог бы назвать собеседника «ребёнком». Возможно, именно из-за этого абсурдного диссонанса Спаситель испытывал к своему противнику странное снисхождение и мягкость.

— Десять лет назад я вернулся к самому началу этого комикса, — вздохнул он. Тон был таким будничным, словно он сообщал, что съел на завтрак три ломтика поджаренной малы.

— ...Теперь это многое объясняет, — тихо пробормотал Нова.

Он не принадлежал к тем людям, что могут усмирить любопытство и оставить загадку неразгаданной. Раз уж Азука предложил это в качестве обмена — хотя профессор и не хотел называть «обменом» эту шутку, похожую на заигрывание с ребенком, — значит, информация не была критически важной. Не опасаясь больше спровоцировать вспышку гнева, он легко восстановил картину событий.

Десять лет назад в мире не случилось ничего выдающегося. Просто умерла женщина по имени Эллена.

Несчастливая женщина... Долгая и странная болезнь постепенно выпила из неё жизнь. Она слабела день за днем, пока окончательно не угасла, оставив после себя лишь маленького ребенка.

Никто не знал, кто был отцом мальчика. Его мать хранила молчание о причинах своей внезапной беременности, говоря лишь, что это «дитя бога».

Оставшийся без матери сирота и впрямь обладал красотой, способной изумить самих небожителей. Случись подобное в Первую эпоху, когда боги активно вмешивались в дела смертных, такой ребенок не выжил бы, не будь он посвящен какому-нибудь божеству ради защиты. Похотливые боги преследовали бы его, а ревнивые — подвергали пыткам. Хрупкая человеческая плоть не вынесла бы подобных страданий; почти все легендарные красавцы древности гибли в раннем возрасте. Наталинцы пожалели его и решили вырастить как своего.

Мальчик молча собирал охапки лангроума — его мать годами принимала эти синие цветы, чтобы унять боль. Синева, подобная цвету неба, полностью укрыла тело женщины. Каждую ночь ребенок тайком уходил из дома и засыпал на могиле матери. Сородичи видели это, но не мешали, лишь втихомолку подкладывали одежду потеплее, позволяя ему в одиночестве совершать этот последний обряд прощания.

Так продолжалось до тех пор, пока одним утром ребенка не нашли без сознания на том же месте. Когда он очнулся, на его груди проступили узоры, напоминающие водоворот. Он обнаружил, что может с легкостью управлять ветром и приручать драконов; даже гордые Ветроходы склоняли перед ним головы. «Маленькая птичка» превратилась в Избранного

богом, в одночасье утратив свою детскую непосредственность.

Азука не упомянул о смерти матери. Не сказал он и о той сокрушительной боли и отчаянии, что испытал маленький ребенок, потеряв единственного близкого человека. Он лишь спокойно поведал о том, как впервые пришел в себя в окружении соплеменников, как учил наталинцев приручать драконов и как нашел молодого Ветрохода, покорив его собственной волей.

— Я пытался изменить всё, — тихо произнес он. — Но детское тело не могло выдержать мощь моего Истока. Чрезмерная спешка привела бы лишь к разрушению оболочки, иначе я бы уничтожил Стену Вздохов, преграждающую путь моему народу, гораздо раньше... Долина Асачи слишком скудна. Всё, что я мог — это использовать силу драконов, чтобы дать наталинцам хоть какой-то шанс.

— ...Какого уровня силы ты достиг перед перерождением? — Нова мгновенно ухватил суть, но тут же понял, что задал глупый вопрос. Разве главный герой в финале может не быть сильнейшим?

Как и следовало ожидать, ответ прозвучал спокойно, но в нём сквозила подавляющая мощь и запах крови:

— Перед перерождением я уже был Святым. Все враги, которых я знал, пали от моего меча.

Профессор уже вполне усвоил концепцию реинкарнации.

— Значит, ты не просто маг... Понятно. Совместное развитие магии и боевых искусств.

— ...Что? — Азука бросил на него растерянный взгляд. Последнюю фразу Нова произнес на китайском языке.

«То есть он может и двуручником махать, и Авада Кедаврой швыряться. И танк, и дамагер, ближний и дальний бой — стандартный набор героя с „Цидяня“. И наверняка на нём висит популярный тег „красивый, сильный и несчастный“»

Как современный человек, ежедневно поглощающий огромные потоки информации, Броуди знал толк в подобных штампах, хотя каждая попытка использовать их в этом мире обычно приводила к неловкому молчанию.

Черноволосый юноша сохранил бесстрастное выражение лица:

— Это значит, что ты одновременно и великий воин, и могущественный маг. Я хвалю твою универсальность. Ты очень крут.

Всесильный Спаситель не знал, смеяться ему или плакать:

— ...Благодарю за комплимент?

— Не за что, — машинально ответил Нова.

Азука заметил, что у этого человека какая-то странная одержимость вежливостью, которая в определенных ситуациях действует на нервы похлеще любого оскорбления.

Благодаря этой заминке атмосфера разрядилась. Тяжесть от вынужденных воспоминаний о детстве почти испарилась. Профессор определенно был удивительной личностью.

— Вы правы. По крайней мере, сейчас я всё ещё способен самостоятельно мыслить и действовать, — Избранный богом слабо улыбнулся, но в его синих глазах застыла пугающая, ледяная решимость. — И мне действительно любопытно: кто сумел создать такой комикс и кто стоит за кулисами, играя моей жизнью?

Он говорил тихо, но каждое слово было пропитано жаждой крови:

— Я хочу найти этого «автора» или группу «авторов» и получить ответы, которые заслужил...

— Но для этого мне нужна ваша помощь, профессор. — Спаситель опустил взгляд, пристально глядя на черноволосого юношу. Его голос стал мягким, в нём зазвучали едва уловимые нотки искушения: — Тот мир имеет отношение к вашему. Вы пронизательнее меня, вы лучше умеете анализировать и понимаете вещи, с которыми я никогда не сталкивался... Мне нужен ваш интеллект. Вы — мой единственный союзник в этом мире.

Нова, которого похвала заставила внутренне напрячься, отвел взгляд:

— ...Это и впрямь интересная загадка. Интересная, но сулящая колоссальные неприятности. Назови мне хоть одну причину, по которой я должен бросить всё и помогать тебе.

— Всё просто. Скажу прямо: скоро разразится война, которая затронет и вас. Вы не воин и не маг. Вашего ума, должности и титула будет недостаточно, когда порядок мирного времени рухнет. — Он говорил жестко, но вспыльчивый Броуди, казалось, не обиделся. Он лишь нахмурился, погрузившись в раздумья. — В том комиксе Нова Броуди вновь появился на сцене лишь после долгого затишья. Я не знаю, через что вам пришлось пройти, но к тому моменту вы уже стояли по другую сторону баррикад... Я не позволю вам снова стать моим врагом.

— Моё тело постепенно адаптируется к силе Истока. А что может быть надежнее защиты Святого? Вы будете в безопасности, только если останетесь рядом со мной.

Заметив, как невольно сузились зрачки собеседника, Избранный богом тихо рассмеялся. С изяществом, присущим истинному аристократу, он слегка поклонился, заложив одну руку за спину, а другую протянув ладонью вверх. Это был классический жест приглашения на танец — так низший по рангу приглашает высшего или мужчина — женщину.

— И есть ещё кое-что... Вы ведь хотите вернуться в свой мир?

— ...

Черноволосый юноша недолго молчал, а затем резко хлопнул по протянутой ладони.

— По рукам, — отрезал он.

Азука даже на миг опешил от такой решительности.

— Я помогу тебе найти «автора», ты обеспечишь мне защиту и поможешь вернуться домой.

— ...Поразительная решимость и готовность к действию. Благодарю за доверие.

— При чем здесь доверие? — бесцеремонно бросил Нова, в голове которого уже пронесся вихрь умозаключений. — Просто все зацепки сошлись, теперь в этом есть смысл... И ещё одно: тот твой убитый вид в начале — ты специально прикидывался несчастным, чтобы меня развести?

Человек, который начал готовиться к переменам с момента своего перерождения, никак не походил на того, кто впал в депрессию из-за сомнений в реальности своего бытия.

Собеседник на мгновение замолк, а затем снова посмотрел на него тем самым потерянным взглядом — до ужаса искренним.

— Простите. Хотя те чувства и были настоящими... мне нужно было окончательно убедиться в вашем отношении.

С самой первой встречи он не переставал испытывать своего будущего союзника. Если бы Нова не прошел проверку, Азука, не колеблясь, убил бы своего еще не оперившегося врага, оставив его душу при себе, чтобы не плодить опасных противников. К счастью, перед ним действительно оказалась яркая, уникальная душа из иного мира — умная, холодная, лишенная слепой веры, но наделенная моральными принципами. Она идеально подходила под все его требования.

— Я прошу прощения за эту ложь, — искренне добавил он, заметив, что профессор снова напрягся.

— ...Мы не были союзниками. В твоём положении осторожность — это норма, так что не извиняйся.

Черноволосый юноша неловко попытался отстраниться, едва снова не угодив в зону действия вихря. Азука вздохнул и, крепко перехватив плечо своего соратника, потянул его обратно.

«И ещё одно, — подумал Азука. — Мне придётся приглядывать за моим дорогим профессором. Иначе этот ценный союзник, словно дикий кот, умудрится как-нибудь нелепо погибнуть в каком-нибудь темном углу».

<http://bllate.org/book/15312/1354370>